

Михаил ЕРЁМИН

СТИХОТВОРЕНИЯ

Кн. 6

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХVI

Грашты, алмаз, равно и неслеты, как то
Литари, копрофосилими трудои
Вадтеий, оградчиков и камнетесов
Меняют сейчас и, стало быть, пошло
Усердием оценщиков и патриотов, что
Диктатори на триумфальных площадях, брильянты
Корон, браслеты и монеты —
Все это шло, как осколки митосферки.

2014

М. Ерёмин

Михаил ЕРЁМИН

СТИХОТВОРЕНИЯ

Кн. 6

**ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХVI**

ББК 84.Р7
Е 70

Марка издательства работы
С. Семёнова

ISBN 978-5-89803-248-7

© М. Ф. Ерёмин, 2016

Чреват паденьем первый шаг младенца,
Равно как вылет из гнезда
Птенца. До рыбьей молодежи охочих
Не счесть. Зерну грозит упасть на голый камень.
Похоже, что в геноме всякой твари
Имеет место риск. Не столь же венчурно
Возникновение живого на земле,
Как сотворение по образу-подобию?

2013

Ираиде

Поскольку был великий сфинкс задуман неподвластным
Тысячелетьям (К слову, известняк не лучший выбор.),
Во исполненье дерзостного замысла предосудительно ли
Утраты возвращать, дотошно сколы (Тест
На расовую совместимость носа.) восполнять, не дорожа
Вмешательством песчаных бурь и злоумышленников?
А что до Сфинги, то её останками
Пусть озабочиваются патологоанатомы.

2013

Не умертвить частицу биомассы, смерть которой
Не будет учтена ни соплеменниками
(В наличии мастеровые, фуражиры
И стража, словом, есть сословия,
Но нет ревизских сказок, тризн и скорби.),
Ни шестиногими сородичами, коих тьмы,
Не говоря про эукари́тах —
Не наступить на муравья.

2013

...молода
И зелена, и взоры веселит...
М. Лермонтов

Протискивается ли сквозь асфальт проросток
Велением гравитропизма, волей тургора,
Укореняется ли семя (ствол изгибистый и трепетная
Листва) в ущёрбине стены (кирпич от Стрѣлина и сыновей)
Под самой бывшей кровлей, вознесённое стихией или
Пернатым доброхотом — по-любому закатают
Дефект дорожного покрытия, снесут
Руины, отстоявшие своё.

2013

И мысли и дела Он знает наперёд.

М. Лермонтов

А если миробытию предшествовало знание,
То упомянуто ли в оном своде,
Что некто некогда опубликует описание
Aliquaplasma,
За неналичием дотоле безымянной,
А кто-то вычислит, лишь по скончании времён,
Возможно, обнаруженное, йота-излучение,
Et cetera?

2013

На беззащитные седины
Не подымается рука.

А. Пушкин

Очередная рухнула стена (Кабина оператора
Комфортна — звуко-, вибро-, теплоизоляция).
Обломки кладки, осыпь маскаронов и затейливых карнизов
За сотней сотня троек и квадриг
(Грузоподъёмность двадцать тонн, усиленная рама, турбо,
Саморазгрузка на три стороны.)
Увозит не в забвенье, что, возможно, обратимо,
А в закольцованный отвал небытия.

2013

Не малахитились бы заводи и старицы,
Не наполнились бы реки ядом в цвет пигмента жизни,
Когда бы ни эвглéны, ни фистéрии (Не набольшие,
А малые не худшего, возможно, из миров.),
Усердно следуя древнейшему
Завету доэдемовой поры,
Не ставили бы на кон самости во имя
Репродуцирования.

2013

Исх. 7:20-21
Лк 9:46
Бт. 1:22

С тяжёлым топотом скакал.

А. Пушкин

Фасады и дворы, карнизы и подвалы —
Совместны городская фауна от голубей до крыс
И твари параллельного неорганического мира
(Металл и камень): сфинксы и русалки, львы и кони,
Один из коих, бронзов телом, некогда ваятелем
Заложенный аллюр, по уверению поэта,
Продолжил
По улицам, проспектам, площадям.

2013

П. И. Чайковский

Когда бы вспало любоваться,
Не сетуя на стужу и метели,
Зимой зимой — смешением RYGM
До белизны, и в летний зной не вспоминать
О снежности, а пёстрой осенью не грезить
Полутонами нежных первоцветов
В согласии с цветущими и спящими,
Цветастыми и ждущими.

2014

Гранит, алмаз, равно и неолиты, как то
Янтарь, копрофосси́лии трудом
Ваятелей, огранщиков и камнетёсов
Меняют склад и, стало быть, пошиб
Усердием оценщиков и патриотов, ибо
Диктаторы на триумфальных площадях, брильянты
Корон, браслеты и монисты —
Не что иное, как осколки литосферы.

2014

Как повествуют, в оно время восходящая Селена облила
(Случайно ли?) холодным светом Артемиду, и прекрасная
Отбросила уродливую тень, что раззабавило вечерявших богов.
Рассказывают, некий light designer (световик), влюблённый в приму,
Ошельмовал её соперницу — эвентуáльность
Палитры светофильтров. Говорят, галёрка аплодировала,
Партер посмеивался, в ложе бенуара
Заспорили: tempóra или témpora.

2014

Был и задуман нарочитым:
Особняки, дворцы и храмы
В пределах дерзкого прожекта
(И секулярные — кирпич, панели, монолит — приделы),
Равно как если имплантируется инородная толика
В гонаду, скажем, перловницы, побуждая оную
К зиждительству органогенной известковой
Конкреции.

2014

Не шершень возится в трухлявой древесине,
Не шмель кружит над медоносом,
Опередивший не пчелу,
А ряженные (Есть о чём
Подискутировать натуралистам.)
Журчалки и стеклянницы не прячутся
(Личина — маска — балаклава.),
Защищены нарядом напоказ.

2014

Негаданная встреча с привидением (Глухое
Безлюдье. Полночь. Молнии.) кого ни ошарашит, —
Вестимо, бродят неприкаянными душегубцы
Отъявленные, жертвы неотмщённые, скупцы,
Что и по смерти стерегут секретные сокровища,
Под пару коим тени неуёмных
Клагоискателей, тогда как считано
Являемы вергилии.

2014

**ИЗ Томаса Стернза ЭЛИОТА
(1888–1965)**

Аск

Ветвь откинув, увидеть, как
Светлый лось
Пьёт из светлого родника,
Удалось ли тебе? Так оставь
Прошлых лет и грёзы и явь.
Взгляд в себя обрати,
Сократи
По склонам петляющие пути,
Обрети,
Где зелёное в серое влито,
Келью схимника, мир и молитву.

Рэннох, долина Гленкоу

Здесь голоден ворон, здесь кроткий олень
Пригоден для пули. В пространстве неярком
Меж небом и вереском ловкий прыжок и полёт
Ни к чему. В тонком воздухе лунный
Либо жар, либо лёд. Путь колеблется между
Равнодушием вечной вражды
И апатией сломанных копий,
Между шумом греха и безмолвием зла.
Здесь природы распад. Только память сильна
По ту сторону плоти. Гордость пала,
Но тень её, та, что нетленна, её смертного ложа длина
Не совпадает с размерами плоти.

**ИЗ Мухаммада ИКБАЛА
(1877–1938)**

Зачем же ты слепому от рожденья
Моря и горы отдал во владенье?
Не видит ни себя, ни мир, ни бога
Так называемый венец творенья.

Сегодняшние радости

Не говори мне, что радость посмертно нам будет дана,
Не обещай, что всегда наша чаша там будет полна.

Сохнуть по гуриям — то же, что строить воздушные замки,
Райской любовью земная не может быть заменена.

О Сальсабиле*, о райском блаженстве, о прелестях гурий
Стоит ли речи вести перед полным кувшином вина?!

Пусть нам в раю уготовано всё — и любовь, и веселье,
Молодость нетерпелива, ей проповедь эта скучна.

Долго ли молодость может питаться неясной мечтою?
Много ли в радости той, что когда-то ещё суждена?

Ценим ли мы красоту, что доступна одним лишь провидцам?
Радости, завтра обещанной нам, велика ли цена?

Жизнь — удивительна, молодость жизнь ощущает как чудо,
«Счастье — сейчас» — убежденье, которому юность верна.

* Сильсабиль — источник в Раю. (Здесь и далее — примечание переводчика.)

* * *

Есть знанья, что ниспосланы, — на небе их исток,
А есть земные знания — мышления итог.

Я сердце отдаю тебе, сберечь его не в силах,
А это всё, чем ценен этот глиняный горшок.

Пора достичь моим стенам звёзд — ведь это небо
Преподавало мне сложение газельных строк.

Сменились поколения — не стало совершенней
Твоё творение. Признай, что в замысле порок!

Обязан я неверием Европе, но греховность
Муллы любого — вот для вас неверия урок.

Лишь тот, о ком невежды говорят: невольник рока,
Способен ныне спорить с тем, что уготовил рок.

Из глины идол у тебя, и мой кумир не вечен —
В прах обратятся вновь они, когда настанет срок.

* * *

И на Востоке идиолов смела, сожгла дотла
Идея обновления, по-юному смела.

Что заставляет вспыхивать сердца, подобно искрам,
Когда, казалось, погребла огонь души зола?

А где стоянка тех, кому дыханья не хватило,
Куда любовь к прекрасному туранцев завела?

Стремись познать себя — с аскетов, что порвали с миром,
Бери пример: заботят души их, а не тела.

Считает мёртвый сердцем мир тюрьмой, но выпьет чашу
И мнит, что стал свободен он, что жизнь не кабала.

Я раб тех всадников, что, подцепив копьём, созвездья
Срывают с неба и бросают поперёк седла.

Не до намаза ангелам — взгляд жителей небесных
Прикован к нам: земные занимают их дела.

* * *

Восток и Запад, и «старьё» и «новизна»
По мне не стоят и ячменного зерна.

Как ветром сдуло и Кубадов*, и Хосровов**,
И не осталось ничего — лишь имена.

Пусть жизнь ведёт твой караван, доверься жизни,
Никто не знает так дороги, как она.

Свети как солнце, чтобы каждая пылинка
Сверкала бы, лучом твоим озарена.

Тот перстень ты не доверял и Джабраилу***,
Но выиграл его в два счёта сатана.

Столь малой чашей ты позоришь винный погреб —
Возьми кувшин и осуши его до дна!

* Кей-Кубад — легендарный основатель иранской династии Кеянидов.

** Хосров — персонаж поэмы Низами «Хосров и Ширин».

*** Джабраил — архангел Гавриил.

* * *

Взгляни: под Аржанг* расписала лужайку весна;
Румяному кравчему арфа весной вручена.

Лужайка — как свадебный пир, на ладонях тюльпанов
Долгожданная сердца весны хна.

Сердца обжигает мелодия, сбросив одежды, —
Словесная ткань для неё и груба, и тесна.

Для разума мир — наважденье; возлюбленный образ
Узреть не даёт чародейства глухая стена.

В обитель возлюбленной сердце дорогу отыщет,
Ведь сердцу влюблённого вещая зоркость дана.

Наш путь — в небеса, что над звёздным раскинулись небом,
Столбом верстовым на пути каравана луна.

Позор для песчинки, упавшей на дно, не стремиться
Жемчужиной вспыхнуть во мгле океанского дна!

Огранка не сделает щёбня рубином — меж смертных
Кто сердцем ничтожен, ничтожна тому и цена.

* * *

Я погибаю, погибаю без вина.
О, виночерпий, на тебе лежит вина!

* Аржанг — роскошно иллюстрированная книга основателя манихейства Мани.

Покровы сброшены, но я тебя не вижу,
Ведь страстью в этот миг душа ослеплена.

Я в руки взял рубоб, я по струне ударил,
И как фитиль свечи вдруг вспыхнула струна.

Что ж я кружу, несчастный, в поисках дороги,
Ведь я и есть стоянка та, что мне нужна.

Когда же Солнце наконец взойдёт с Востока?!
Я до зари лишён, подобно звёздам, сна.

* * *

Я в шариате не силён — лишь истину постиг,
Что отрицающий любовь — кафир* и еретик.

Благословляет Бог того, кто держит путь к святыне.
Такому путнику земной не нужен проводник.

Но путь ещё не всё — надёжным должен быть попутчик,
Ведь сказано: иные из путей ведут в тупик.

В Европе пьют из хрустала, как будто может крепость
Придать вину играющий на гранях кубка блик?!

Пред верою простых сердец теряют сразу ценность
Игра ума и наставленья всяких мудрых книг.

Не богослов и не философ я — моим ланцетом
Вскрываю я лишь собственный моей души тайник.

* Кафир — неверный.

Я не корыстен в вере, как кафир, что, ставя свечку,
Спешит заметить: «Господи, теперь ты мой должник!»

* * *

Мои стенанья — не о милостях мольба,
Взываю об одном: лишь выслушай раба.

Благодарить ли нам тебя за акт творенья?
Ведь горстка праха так несчастна и слаба.

Погибла роза: оказалось, обещанья
Тепла и свежести — пустая похвальба.

По силам только смертным жить в твоих руинах —
Земля для нежных небожителей груба.

Как все, я в этом мире гость, но я доволен,
Что быть бродягою в степи — моя судьба.

Как наслаждаются одни безмолвьем сада,
Так нежит слух другим сраженье и стрельба.

Не место ангелам в степи любовной страсти,
Безумие любви — для тех, чья жизнь — борьба.

* * *

Блажен тюльпан — его краса огнём ему дана,
Пожитки разума и ты предай огню вина.

Да будут щёки цветниками — ведь за кубок
Аскет и тот продал хырку*, когда пришла весна.

Счастливец о фетве** едва ль за чашей вспомнит.
Мне жаль святошу — жизнь его блаженства лишена.

Пусть не мои — но есть напевы, что сжигают
И жито Искандера до последнего зерна.

Восточный ветер, передай в далёкий Веймар:
«Твоей поэзией душа моя озарена!»

Рай

Те небеса, что шлют нам испытанья, — не в раю,
Там не бывает туч, там светит солнце постоянно.

Там не страдает Зулейха, свободен там Юсуф —
Несчастью и беде запрещен путь к вратам Ризвана***.

Там посохом Муссы и капли влаги не добыть,
Там не бросает вызова Халил**** огню тирана.

Там неизвестен бури страх, о, кормчий, будь смелей!
Не станет утлый твой челнок добычей урагана.

Там правоверного смутить не может еретик,
Там нет ловушек заблуждений, нет сетей обмана.

Там о разлуке мысль не омрачает радость встреч,
Там нет опасных троп, нет перевалов и тумана.

* Хырка — власяница.

** Фетва́ — решение на основе шариата.

*** Ризван — привратник в раю.

**** Халил — один из исламских пророков.

Но как же жить, когда так совершенно всё вокруг,
Когда повсюду только Бог и нет нигде шайтана?!

* * *

Мне жаль тебя — твой караван ушёл давно,
Отставшему догнать его не суждено.

Тебе в иное путешествие пуститься —
И в ханаку* тебя не приведёт оно.

Равно нелёгок путь: ведом ли сердцем разум
Иль сердце разуму во всём подчинено.

Для пленника судьбы и нынешнее мрачно,
И уготованное в будущем темно.

О соловей, взгляни: в саду зарделась роза —
Певец, твоё искусство вознаграждено!

* * *

В крестном знаменье видеть подобной ракату** обряд научись,
Чтобы суетной разницы в них не подчёркивал взгляд, научись.

Доведётся увидеть, как роза в саду распустилась, —
Разносить, словно утренний ветер, её аромат научись.

Если создан ты каплей росы — в небеса возноситься,
Чтобы с громом и молнией в ливне вернуться назад, научись,

* Ханака — келья суфия.

** Ракат — поклон во время намаза.

Если создан шипом на кусте распустившейся розы,
То вонзаться в того, кто задумает вторгнуться в сад, научись.

Если создан травой, то словно упорный репейник
Прорасти на утопанных тропах, меж трещин оград научись.

Если ты погребка завсегда, то всем превращеньям,
Что от нежной лозы до вина претерпел виноград, научись.

Выходи на простор, под чужою прижившийся крышей,
И парить над землёю, как вольная птица крылат, научись.

Постучал я в кумирню: «Впустите!» — «Сначала горенью, —
Молодые помощники магов в ответ говорят, — научись!»

* * *

Я уверен, что будет дряхлеющий мир обновлён
И величьем песчинки заносчивый кряж посрамлён.

Горсти праха, обретшей всевидящий взгляд, не могу я
Не напомнить о том, что сопутствует мудрости — стон.

Это солнце и эта луна никуда не годятся —
Должен новой звездой озариться для нас небосклон.

Говорю о красавице: «Дева должна быть прекрасней!» —
Даже если её несравненной красой восхищён.

Бог изрёк: «Я создал этот мир!» Человек усомнился:
«Ты создал этот мир, но, скажи, совершенен ли он?»

* * *

Наш мир земной — он наших чувств и ощущений плод:
Он есть, пока мы бодрствуем, уснём — он пропадёт.

Я взгляд перевожу с земли на небо, вновь на землю —
В тот миг вычерчивает циркуль взгляда небосвод.

Небытие и бытие — не вижу или вижу.
Все меры миру дали мы и времени отсчёт.

И открывает тайны нам, и объясняет сердце,
Что есть движенье, что покой, паденье или взлёт.

На ад осудят, в рай пропустят нас зуннар* и чётки
В том мире, где посеянное человек пожнёт.

Я саз своей судьбы, и мысль моя — тот медиатор,
Которым ритм определён и сочетанье нот.

О, не взыщи, но где же мир, тобою сотворённый.
Раз оба созданы людьми — и этот мир и тот.

* Зуннар — шнур из священных нитей.

ИЗ Уильяма Батлера ЙЕТСА
(1865–1939)

Безумная Джейн и епископ

Ведите к дубу, что грозой разбит,
Раз вечным сном возлюбленный мой спит
(*Мы все в могиле обретём приют*).
Я проклянущу его в полночный час,
Ведь перед смертью, уверяю вас,
С усмешкой Джек сказал в последний раз:
А мне плевать — святоша или шут.

И не был он епископом в тот год,
И даже вряд ли он имел приход
(*Мы все в могиле обретём приют*).
Когда на древней книге нам двоим
Внушал, что мы по-скотски жизнь влачим.
Бродяга Джек за это проклят им.
А мне плевать — святоша или шут.

Имел епископ богомерзкий вид —
Он был гусиной кожей покрыт
(*Мы все в могиле обретём приют*).
И прятался в святой наряд до пят,
Пытаясь скрыть, что словно выпь, горбат.
Был строен Джек — и тем уж виноват.
А мне плевать — святоша или шут.

Он знал, что я невинна и чиста,
Когда ночная тьма была густа,
(*Мы все в могиле обретём приют*).
Когда вдруг сбились мы с пути, и нас
Дуб обвенчал в глухой полночный час.
Я повторять готова сотни раз:
А мне плевать — святоша или шут.

ИЗ Хушхаль-хана ХАТТАКА
(1613–1689)

* * *

Стреле необходима для полёта тетива.
Поэзией не станет наша речь без мастерства
Искусного поэта, что, подобно чародею,
Вдруг оживит и превратит в поэзию слова.

Непогрешимость в ритмике — основа из основ.
Дано поэту сердце, что надёжней всех весов,
И проверяет, взвешивая с точностью до звука,
Он каждую строку, не допуская лишних слов.

Поэт, взнуздав чернильно-вороного скакуна,
Подводит к Истине, что, как невеста, убрана.
Прекрасное лицо скрывая под чадрой метафор,
Она красуется в седле, изящна и стройна.

У всадницы, быть может, строг и неприступен вид,
Однако взгляд её совсем другое говорит:
Он околдовывает, завлекает, побеждает.
Надежды подаёт и дразнит, жжёт и леденит.

Блистательней шедевров ювелирных во сто крат
Эпитеты, из коих создан всадницы наряд.
Её движение сопровождает аллегорий
По стойкости с сандаловым сравнимый аромат.

Аллитерации — её ножных браслетов звон.
Примета мастерства — непогрешимо чистый тон.
И ожерелье точных рифм — в жемчужинах изъяна
Не отыскать, как ни был бы ценитель изоцрэн.

И вспыхивает торжеством, нас вопрошая, взгляд:
«Не правда ли, я совершенна с головы до пят?»
Она загадочна, но под таинственным покровом
Угадываем мы неповторимо дивный склад.

Талант поэта самую дурную из ворон
И коршуна, что неуклюж в полёте и смешон,
В стремительных ловителей сердец преображает
На зависть соколу, что ловчей птицей был рождён.

Что краткость есть душа ума, известно всем давно.
Меж пустословов мудреца узнать немудрено:
Они не закрывают рта — он говорит однажды,
Они потратят сотни слов, а он всего одно.

Немалая заслуга у Хушхаля на счету:
Он первым стал слагать стихи на языке пушту,
Обогатил сокровищницу языка родного,
Доселе скрытую в нём обнаружил красоту.

* * *

Мы говорим? Послушная река несёт наш плот,
Не признавая, что наш плот послушен воле вод.

О том, что человеческий род на свете существует,
Не ведает ни дождь, ни снег, ни горных пиков лёд.

Обходит солнце небосвод по кругу зодиака,
Не зная, что для нас тем временем проходит год.

Куда хотят, туда и дуют ветры, не заботясь,
Что гибнет караван в песках, что тонет мореход.

Земля не что иное, как безжизненная глина,
Но черпает в ней жизненные силы злак и плод.

У Мастера в работниках четыре элемента —
Хушхаль, работы каждый день у них невпроворот.

* * *

Коль честен ты, тебе во всех твоих делах,
Как говорится, помогает сам Аллах.

Подобен рупии фальшивой тот презренный,
Что лжёт с приветливой улыбкой на устах.

Не скрыться луку и под сотнею покровов,
Вотще шайтана плут винит в своих грехах.

Окинь глазами сердца мир и ужаснёшься:
Неправда в душах, злые помыслы в умах.

Подобна жизнь твоя реке: водовороты, мели,
То широка, то бьётся в тесных берегах.

О человеке говорят его поступки —
Куда как добр злодей бывает на словах!

Любой из смертных жертва предопределенья:
Младенец, юноша и человек в летах.

Хушхаль, на путь добра вернуться не под силу
Тому, кто побывал у дьявола в руках.

* * *

Познание самих себя считаю тем путём,
Которым мы к познанию Всевышнего идём.

Знать назубок Коран, поверь, невелика заслуга,
Не от добра твои дела, коль веры в сердце нет твоём.

Шайтана не вини — ты сам и есть шайтан, который
Впускает всяческие беды в собственный твой дом.

От века славен меж людей, кто щедр и бескорыстен, —
Презренен вымогатель и ничтожен скопидом.

Коль не дал Бог ума, так не дал, даже пусть Лукмана
Он воскресит, дабы тот стал твоим проводником.

Прозрение слепцам Иса испрашивал у бога,
Но нет таких молитв, чтоб наделить глупца умом.

Ты не раскаешься, что, знания приобретая,
Не накопил земных богатств, — Хушхаль клянётся в том!

* * *

Не много чести заклеить чужой порок —
Мудрец к своим грехам и недостаткам строг.

Невежества не может скрыть ни вид учёный,
Ни славословий самому себе поток.

Чтоб разум дерзкий твой тебя в беду не ввергнул,
Блюда закон ниспосланных Всевышним строг.

Из правоверных тот лишь праведник, кто помнит,
Что «...не достигнешь ты...» — как возвестил пророк.

Как может тот, кто сам и лжив и вероломен,
Бросать сподвижников своим во лжи упрёк?

Богатство духа множь — лишь в нём источник силы
И независимости истинной залог.

Хушхаль, ты смертен, как и все, и к жизни вечной
Готовь себя, пока земной не вышел срок.

* * *

Но можно ли тому, кого мы называем «человек»,
Найти хоть мало-мальски сносное определение?

Даёшься диву: горнего добра и дьявольского зла,
Прекрасного и безобразного соединение.

Наполовину ангел он, наполовину дикий зверь —
Смешались набожность и над святынями глумление.

Подобен пламени подчас, спустя мгновение — воде.
Одновременно щит и меч, отпор и нападение.

Не превосходит ли во всём он все земные существа?
Да что тут говорить: какое может быть сравнение!

Четыре разных темперамента выказывает он,
Поскольку четырёх же элементов порождение.

По образу создателя, быть может, создан человек,
Но сколь несовершеннее творца его творение!

Уймись, Хушхаль, умерь хмельной задор, поверь, твои слова
Едва ли кто из слушателей примет в рассуждение.

* * *

Кому явил бы милость Бог, не согреши Адам?
Не будь нас, грешных, мог бы Он быть милостивым к нам?

Покайся — Бог простит. Слезам подобная роса
Смывает пыль с поникшей было розы по уграм.

Толпа потворствует грехам имеющего власть —
Не потому ли путь, ведущий в ад, широк и прям?

Прощенье Бог тебе, Хушхаль, дарует в судный час.
Пока же должное воздай его земным дарам!

* * *

Со мною золото, признаться, не в ладах:
Бежит меня, и мне понятен этот страх —
Привыкнув судьбами людей играть, боится
Игрушкой сделаться само в моих руках.

Оно господствует, сверкая и звеня,
Покуда дело не касается меня:
Любая, даже полустёртая монета
Меня боится пуще лютого огня.

Мы издавна враги, и будет так всегда.
Хотя считается, что всякая вражда
С годами затухает, но не эта: мира
Меж мной и золотом не будет никогда.

С врагом мужчина не вступает в разговор.
Одним желанием пылает бравый взор:
Разделаться с врагом, и потому в сраженьё
Он расточителен и на расплату скор.

В честном бою и полководцу и бойцу
Положено встречать врага лицом к лицу,
А выгоды искать в расчётах и прикидках,
Я в том уверен, не пристало храбрецу.

В Коране сказано: не дорожи земным
Богатством, но считай его врагом своим.
О чём же может речь идти? Как подобает
С врагами поступать, так поступай и с ним!

Возьми любой из минералов наугад.
Со слитком золота сравни — на первый взгляд
Они похожи, и различие в одном лишь:
Для сердца золото губительней, чем яд.

Не золото ль причина всех на свете бед?
Вреднее золота, пожалуй, камня нет.
И даже ком земли бесплодной много лучше —
Нет пользы от него, но невелик и вред.

Стоячая вода мутнеет и цветёт.
Прозрачностью и чистотой проточных вод
Гордятся ручейки и реки — лишь движенье
Очистить может воду стариц и болот.

Хушхаль, пока в руках ещё есть силы, бой
Веди с врагом, и пусть с униженной мольбой
О милости тот враг, что мнил себя всесильным,
Сложив оружие, склонится пред тобой.

* * *

Не взглянет тот, кто сыт, и на отборный виноград,
А тот, кто голоден, тот чёрствой корке будет рад.

Для богача тончайший шёлк и груб и дешёв, а бедняк
Дороже шёлка ценит домотканый свой халат.

Ничто Меджнуну не заменит вести о Лейле:
Не проповедь имама, ни философа трактат.

О боже, смилуйся, с возлюбленной соедини —
Ведь и создатель ты, и разрушитель всех преград.

О боже, для того, кто гибнет в пламени любви,
Спасительней живой воды любимой нежный взгляд.

Мне только бы дожить, увидеть ту, что я люблю!
А там пускай меня хоть сразу в саван обрядят.

Тоска — всегда тоска, луна ли, солнце в небесах.
Хушхалю, право, всё равно: восход или закат.

* * *

Мертвец с собою не берёт
В могилу груз мирских забот.
Итог твоим земным деяньям
Смерть беспристрастно подведёт.

Без птицы клетке грош цена.
В груди была заключена
Душа подобно редкой птице,
А смертью освобождена.

Не трать на мелкие дела,
Не высыпай в ладони зла
Души бесценные алмазы,
Не думай, что им несть числа.

Достоин осужденья тот,
Кто клад души не бережёт.
Подобен тварям бессловесным
Душой бросающийся мот.

Давай по кладбищу пройдём,
Где люди спят последним сном.
Взгляни, цветущей ежевикой
Стал прах того, кто был вождём.

И ухищренья мудреца,
И власть носителя венца,
И святость — все равно бессильны
Пред неизбежностью конца.

Будь ты хоть сказочно богат,
Тебя лишь в саван обрядят,
Уйдёт от силы газов восемь
На тот последний твой наряд.

Все драгоценности казны
Остаться на земле должны,
В садах смеяться будут девы,
В степях резвиться скакуны.

Ты слышишь мерный стук шагов
И дребезжанье бубенцов?
Хушхаль, твой караван уходит,
С ним в путь пуститься будь готов.

* * *

Как мало знать мне о себе дано!
Грядущее и прошлое темно.
Откуда я пришёл? Куда уйду?
Когда пуститься в путь мне суждено?

Мы твёрдо знаем только об одном:
Недолговечен этот бранный дом.
Мы гости здесь. Уйдём в урочный час
Давным-давно проложенным путём.

Хотелось бы узнать хоть что-нибудь
Про тех, ушедших в свой последний путь.
Что с ними стало? Кто они теперь?
Хотелось бы в их мир мне заглянуть.

Порой себе кажусь я муравьём,
В кувшине гладкостенном и пустом
Я обречён без отдыха ползти
Бессмысленно по кругу день за днём.

Я думаю, что должное воздам
Усилиям, заботам и трудам,
Назвав их просто детской игрой,
В которой я участвую и сам.

Благополучье видящий в казне,
Корыстолюбец не поверит мне,
Что эфемерней всё его добро
Тех образов, что видим мы во сне.

Увы, Хушхаль, я не уверен в том,
Что, став белобородым стариком,
Избраннику, чьё имя человек,
Теперь ты соответствуешь во всём.

* * *

Насущный хлеб — что хлопотать?! — Бог сам тебе пошлёт,
Ан нет, побольше бы урвать — людской печётся род.

Достойный человек к земным богатствам равнодушен,
Лишь незапятнанная честь — предмет его забот.

Карун низвергнут был во мрак бездонной преисподней,
Мусса вознёсся и достиг заоблачных высот.

Уж лучше караванный путь над прахом безымянным
Проложат, чем надгробье трус стоянкой изберёт.

Немногим ты известен в наши дни, но после смерти,
Я верю, будет память о Хушхале чтить народ.

**ИЗ Харта КРЕЙНА
(1899–1932)**

Сокрушённый храм

Завтра слышится мне благовест пречистый
Уже зауспокойным звоном в память дня —
Из белизны епископального батиста
Пахнуло стужей преисподней на меня.

А виделось ли вам в тот час, когда рассветом
Охваченные звёзды покидают небосклон,
Как из проёмов силуэт за силуэтом
Ночные тени изгоняет карильон?

Колокола — их антифоны кладку свода
Распатывают, и внедряют языки
Арпеджио в мой мозг, найдя во мне кустода
Из тех, чья преданность до гробовой доски.

Но купол есть предел энциклик обращенья,
За коим голоса отходят в мир иной.
Бьют зорю звонницы, и эхом возмещенья
Ночных утрат озвучен весь простор земной.

Введением в непрочный мир я был обязан
Видению согласия любви, чей зов,
Равно как вопль отчаяния, предуказан
И лишь мгновенье слышен в хоре голосов.

Внимал, и речь моя в ответ лилась, но разве
Медноголосому царю эфира в тон
Она звучала? — Раны чаяний и язвы
Отчаяния бередит Глаголом он.

Как доверять горячечным приливам крови?
(Не кровью крепок храм, что сам я сотворил
Во славу истины, провозглашённой в слове
Неистинном.) Для вызова сокрытых сил

Не сладко ль вены отворить? Не для того ли
И вслушиваться в пульс, предвидя впереди
Восставшим ото сна, воспрянувшим на воле
Воинствующий сонм, теснившийся в груди?..

Не каменно храмовоздвижение, мною
На камне зиждимое, — вечный горний свод
Не камнем вымощен. Крылат и тишиною
Лазурных сфер объятый, зримо храм плывёт —

На усыпальницы озёр и на курганы
Святилищ, и на каждую земную пядь,
Запечатленную в душе и осияну
Небесным светочем, нисходит благодать.

К свободе

Из бриза и возгласов чаек
На берег явленна мной дева,
Чьи волосы — мёртвая зыбь.
Смешно им, что я обручаю
Её с мореходом из мёртвых,
Который не ведаёт даже
О той пресловутой Елене.

Зажгите последний из факелов
На пирсе. Её без покровов
Оставьте. Её не коснутся
Их праздные чистые взгляды. Должны ли
Они выходить из тумана
Иль мы отряхнуться от грёз?

Некий сад

Об этом яблоке её томление —
О сгустке света, солнечном подобии.
А крона нависает, ни дыхания, ни взгляда
Не выпуская, вторя голосу её
Беззвучною жестикующей ветвей.
Рабыня дерева — она в его руках.

Ей грезится преображенье в яблоню:
В ней ветер будит жизненные соки
И овекает руки, солнцем опалённые,
И к синим небесам её стремится —
Ни памяти, ни страха, ни надежды по ту сторону
Травы и тени, что покоится у ног.

...И райские пчёлы

Как ни бежал я моря — достигал
Меня прилив твоих объятий то и дело,
И сквозь размытую твердыню скал
Маячилось небесной тверди тело.
Придонный сад подобно радуге расцвёл
Вдруг зримо,
Да, воистину необратимо
Дни наши посолонь туда, где ореол
Заката светится, влачатся мимо
Закланых голубей и роя райских пчёл.

Ответ

Теперь ты волен выбирать по нраву речи,
Не то что здесь, у нас, где слово свято

Лишь то, что может скрасить наши встречи,
Но брат при этом не глядит на брата.

Тебе круги повинной и суда.
Мне — благодать преходящего стыда.
А чтобы родилась живая речь,
Быть может, должен плоть рассечь искусный меч:

За верность время ненавистью мстит,
А слава, как и стыд, вгоняет в краску зори.
Спи, брат возлюбленный, — и стыд
Оставив мне и вздор о славе и позоре.

Купальщицы

Молочно море... И тела двух женщин цвета
Слоновой кости... И жемчужница рассвета
Мерцает, создавая фон для силуэта
Хребта. Видение ли, сон ли диво это?
Но нет ответа. Только лилии лениво
Перебирает зыбь — их ожерелье прихотливо
Легло на грудь молочно-белого залива.

Мы говорим: из моря вышла Афродита —
Вхождение девы в лоно вод людьми забыто,
И возвращенье мы воспринимаем как рожденье
Соединившей в красоте божественность и наважденье.

Голубиная почта

Вновь губы мои не шепнут «До свиданья», из рук
Твоих на мои не прольётся, как было, вода,
Ведь гулкую раковину распластали, и звук
Морского прибора безмолвием стал навсегда.

Но верность один окольцованный голубь хранит
И нежностью сердце моё окрыляет в ночи —
И ныне прекрасен в заветном кольце лазурит,
Хотя и померкли его голубые лучи.

Постскриптум

Фонтаны иссякли, и лишь при ущербной луне
Последние капли на вайях порой заблестят:
Пусть мрамор подобен надгробьям в глухой тишине,
Но я не молю о твоём возвращении в сад.

Грядущее так же не мной предопределено,
Как эта процессия траурно-мрачных стволос;
В тумане, который незыблемей клятвенных слов.
И саду теперь, как миражу, пропасть суждено.

Имя для всех

Мелькает мотылёк, петляет в воздухе пчела.
Все, им отпущенные, дни и ночи напролёт
Они свободны — груз имён крылатые тела
Не отягчает. Видно, нам покоя не даёт

Свобода безымянности, и потому подчас
И обескрыливает их жестокость наших рук.
А сами имена свои выносим напоказ,
Не понимая, что они пустой всего лишь звук.

О если б собственные имена людской язык
Отверг и в хоре тех, кому даны взамен имён
При сотворении плавник, копыто или клык,
Восславил бы единственное Имя всех времён.

Странствия

I

Вперегонки с барашками прибоя
Гоняют мальчуганы, и швыряются песком
Друг в друга, и высвобождают раковины
Из пересохшей тины — беззаботны,
Неугомонны, в блёстках брызг.

А солнце, вторя крикам детворы,
Пускает стрелы в пену гребней, но буруны
Отбрасывают их, ворча, на берег. Будь услышан,
Я мог бы их предостеречь: «Эй, малышня,

Играйте с мокрым псом, отыскивайте
Окатыши, отбеленные вечными стихиями,
Но есть предел, за коим лону вод
И ласковым наперсным водорослям
Не вздумайте доверить ваши гибкие тела —
Коварна и безжалостна морская бездна».

II

— И такова гримаса вечности
Безбрежных вод, подвластных всем ветрам;
Раскинута парча золотных волн,
А гибкие подлунные ундины
Хохочут, потешаясь над любовью.

Зловещи завывания Стихии
Над белопенными волютами,
Терзая слух, вселяют ужас в души;
Смещение добра и зла подобно
Коварной нежности любовных уз.

Звонят колокола Сан-Сальвадора

Над зыбью отмелей, расцвеченных
Шафрановою россыпью созвездий.
О, Ваша Щедрость! Тёмных сил Стихия! —
Бездушная пучина древних чар.

По мановению её плеча
Прилив с ладони берега стекает.
Успей прочесть посланье волн, пока
Не сгинут в бездне грёзы, страхи, страсть,
Как тот цветок, что унесён Стихийей.

Не посягай, о, Просвещённый век,
На души. О, мелодии Карибов!
На суше да помянут отошедших
В подводный мир — в его глубинах тайных
Морские твари прозревают рай.

III

Родством нежнее кровного повязаны
С тобой, которая исходит светом
Ниспешшей, величаемой бурунами,
Небесной плоти в лоно вод, а волны
Как тропы странствий разбегаются
Передо мною по безбрежному простору

Враждебной к чужаку тесниной,
Где зыбки капители вихревых колонн,
И где по воле волн звезда ласкает
Звезду и мечутся лучи, пройдя,
Почувствовать твоё предштурмовое
Дыханье!

Но под гребнями бурунов —
Не гибель, а пучина одиночества,
Над бездною звучат не погребальные,
А перевоплощённые распевы.

Позволь мне плыть, любовь, к тебе в тебе...

IV

Не выпадали счастья считанные дни
Нигде мне как не в окоёме океана,
Когда над бездною вращали бездну крылья,
И мне ль не знать, что замкнут круг (над пальмами
Лагуны неизменный альбатрос), но суетные
Водовороты преодолевая, вечное
Течение любви, я верю, вынесет к тебе.

А если бы навязчивые ароматы
И неизбежное влечение однажды,
Как обещали и глаза и губы, въяве
Свели нас вновь в обетованной гавани
Того заветного июньского расцвета —

Смогли б вернуть мы к новой жизни стебли
Соцветий и свирелей после роковых,
Столь губительных приливов и отливов.

В словесной зашифрованности истинного
Единокровные отроги рифа из миражей
Моих предчувствий выступают, полночью
Объята грудь залива и открыта
Для недосказанного и хранимого
Моею памятью все годы одиночества
Среди безбрежной зоркой синевы —

В том изречении заключена разгадка,
Что есть ладья любви и вёсел лепестки.

V

Оцепеневшая в кромешной полночи,
Смиренная под леденящей белизной,
Обманчивая, словно лезвие, —
Оттенена тяжёлым небом бухта.

— А кажется такую безобидною!
Бегучая оснастка наших сновидений
Пестрит лоскутными воспоминаниями
Бесстрастных звёзд... Опутаны мы светом
Луны, глухой к словам. Ни слёзы, ни угрозы

Не одолеют силу притяжения — подвластны
Луне приливы и отливы, и любовь
И разочарование...

Ты говоришь мне:

«Управы на неё в подлунном мире нет!»
Но оба знаем, что не стоит уповать
И на могущество небес, которые
Песчинкам быстротечных жизней счёт ведут.

«— А в остальном несведущие!» Нет ничего
На всех твоих блистательных покровках,
Напоминающего дерзкое пиратство.
Смирись и ты отныне с одиночеством.
Не знаю, что за призраки тебя тревожат,
Какие неизбежные виденья, но
Смирись, оставив снам желанный путь домой.

VI

Там замок леденяще величав
Встаёт в тумане перед мореходом,
И проявляют неуёмный нрав
Течения под чуждым небосводом,

Навязчивый, как раковины зов,
Прибой, выплёскиваясь вал за валом
На мыс из трюма огненной зари,
Дробится, растекается по скалам,

Буруны, что вздымались к небесам,
До зыби утихают в бухте — тёмный

Покинутый командою корабль
Глаза мне застит — странник Твой бездомный.

И безымянный вправе ль я роптать
На то, что бездна поглощает имя
Пророка, но разносится помин
Царю волнами пенными Твоими.

Сирокко, дань собрав, сникает, день
На убыль поворачивает вскоре;
Нависший клиф, обвисший кливер — здесь
Свои законы всем диктует море —

А в штиль и красным словом не увлечь
Богиню, но хотя уста безмолвны,
Загадочной улыбкою она
Не даст забыть про штормовые волны —

Выдерживая курс на Бэлла Айл,
Пройти под радугою с верой в чудо,
И откликом на «Вёсла враз суши!»
Возникнет белый остров ниоткуда.

Не вещее ли Слово дарит жизнь
Растениям в расселинах утёсов? —
Оно же, как непонятый ответ,
И порождает череду вопросов.

СОДЕРЖАНИЕ

«Чреват паденьем первый шаг младенца...»	5
«Поскольку был великий сфинкс задуман неподвластным...»	6
«Не умертвить частицу биомассы, смерть которой...»	7
«Протискивается ли сквозь асфальт проросток...»	8
«А если миробытию предшествовало знание...»	9
«Очередная рухнула стена (Кабина оператора...»	10
«Не малахитились бы заводы и старицы...»	11
«Фасады и дворы, карнизы и подвалы...»	12
«Когда бы вспало любоваться...»	13
«Гранит, алмаз, равно и неолиты, как то...»	14
«Как повествуют, в оно время восходящая Селена облила...»	15
«Был и задуман нарочитым...»	16
«Не шершень возится в трухлявой древесине...»	17
«Негаданная встреча с привидением (Глухое...»	18

Из Томаса Стернза Элиота

Аск.....	19
Рэннох, долина Гленкоу.....	19

Из Мухаммада Икбала

«Зачем же ты слепому от рожденья...»	20
Сегодняшние радости	20
«Есть знанья, что ниспосланы, — на небе их исток...»	21
«И на Востоке идолов смела, сожгла дотла...»	21
«Восток и Запад, и „старьё” и „новизна”...»	22
«Взгляни: под Аржанг расписала лужайку весна...»	23
«Я погибаю, погибаю без вина...»	23
«Я в шариате не силен — лишь истину постиг...»	24
«Мои стенанья — не о милостях мольба...»	25
«Блажен тюльпан — его краса огнём ему дана...»	25
Рай.....	26
«Мне жаль тебя — твой караван ушёл давно...»	27
«В крестном знаменье видеть подобной ракату обряд...»	27
«Я уверен, что будет дряхлеющий мир обновлён	28
«Наш мир земной — он наших чувств и ощущений...»	29

Из Уильяма Батлера Йетса	
Безумная Джейн и епископ.....	30
Из Хушхаль-хана Хаттака	
«Стреле необходима для полёта тетива...»	31
«Мы говорим? Послушная река несёт наш плот...»	32
«Коль честен ты, тебе во всех твоих делах...»	33
«Познание самих себя считаю тем путём...»	33
«Не много чести заклеить чужой порок...»	34
«Но можно ли тому, кого мы называем «человек»...»	35
«Кому явил бы милость Бог, не согреши Адам?..»	36
«Со мною золото, признаться, не в ладах...»	36
«Не взглянет тот, кто сыт, и на отборный виноград...»	37
«Мертвец с собою не берёт...»	38
«Как мало знать мне о себе дано!..»	39
«Насущный хлеб — что хлопотать?! — Бог сам...»	40
Из Харта Крейна	
Сокрушённый храм	42
К свободе	43
Некий сад	44
...И райские пчёлы.....	44
Ответ	44
Купальщицы	45
Голубиная почта	45
Постскриптум.....	46
Имя для всех.....	46
Странствия.....	47

Е 70

Ерёмин М. Стихотворения. Кн. 6. —
СПб.: «Пушкинский фонд», 2016. — 56 с.

ISBN 978-5-89803-248-7

ББК 84. Р7

Ерёмин Михаил Фёдорович
Стихотворения. Кн. 6
«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 2016

Редактор *Г. Ф. Комаров*
Марка издательства работы *С. Семёнова*

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

«Пушкинский фонд»
191186, Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 12

Тираж 300 экз. Заказ № 108
Отпечатано в типографии ООО «ИПК БИОНТ»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр., дом 86
Тел.: (812)322-6843

ПУШКИНСКИЙ ФОНД